

LITERATUROZNAWSTWO

Антонина Шелемова
Москва

Проблема власти и самозванства в «Слове о полку Игореве» и «Борисе Годунове» А. С. Пушкина

Магическая красота древнерусской словесности неизменно привлекала Александра Пушкина, о чем свидетельствуют многие его статьи, наброски, замечания, размышления в письмах, да и сами художественные произведения, созданные на историческом материале. Средневековые летописи поэт называл «правдивыми сказаниями», а их исключительное значение для русской истории определил словами:

...Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро.
А за грехи, за тёмные деянья
Спасителя смиренно умоляют¹.

Эти слова, вложенные в уста летописца Пимена, формулируют общую тему двух эпохальных произведений русской литературы – «Слова о полку Игореве» и пушкинской трагедии «Борис Годунов»: проблему государственной власти и личности, несущей *венец и бармы Мономаха*.

Пушкин, не раз обращавшийся в своем творчестве к вопросу о самодержавии и самовластии, удивительно точно оценивал события прошлого, в частности, перипетии Смуты, рассматривая их в перспекти-

¹ А. С. Пушкин, *Борис Годунов*, [в:] А. С. Пушкин, *Полн. собр. соч. в 10-ти томах*, Ленинград 1978, т. 5, с. 199. Далее страницы из этого издания указываются непосредственно в тексте.

ве настоящего и будущего. Безмолвие народа в знаменитой трагедии есть не просто фигура умолчания, но и немой укор властителям, красноречивое презрение, предвещающее в будущем его *мятежный вопль* (Николай Карамзин). Новаторство «Бориса Годунова» выразилось не столько в той или иной интерпретации исторической фабулы *одной из самых драматических эпох* России, сколько в *поэтической дерзости* Пушкина, в его художнической прозорливости, воплотившей в действии и характерах трагедии актуальные для эпохи декабризма проблемы. Историческая же мысль писателя, отталкиваясь от древнерусских летописей, Шекспира и Карамзина, отлилась в идею о *мнении народном* как наиболее адекватной нравственной оценке деятельности власть имущих. Свою точку зрения по поводу *суда народа* как *суда истории* Пушкин в «Борисе Годунове» высказал чётко и однозначно (не случайно мысль эта провозглашена не кем-нибудь, а предком поэта – Гаврилой Пушкиным):

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением; да! мнением народным (207).

Поэтически дерзким, художнически прозорливым оказался и глашатай общерусского *мнения* в древней литературе – автор «Слова о полку Игореве». Созданное им произведение можно определить как *бунташное*, потрясшее самые основы современных социальных и моральных устоев. Публицистически-пафосно и одновременно лирически-проникновенно поведал он о междоусобной расправе в Киевской Руси XII.

Каково же было отношение древнего поэта к понятиям *славы* и *добра*, *греха* и *тёмного деянья* державных властителей, то есть, в конечном счёте, к наиболее сущностным категориям *мнения народного*?

Публицистическая идея «Слова» требовала адекватного художественного воплощения, поэтому князь Святослав Всеволодович выступил в роли гиперболизированного символа государственности: мощь его власти и консолидирующее политическое влияние явно преувеличены. Он назван *великим* и *грозным* (*Святъславъ грозный великий Киевский грозою бьетъ притрепеталъ своими сильными плъкы... землю Половецкую*²). Сообразно иерархическому этикету за-

² *Слово о полку Игореве*, [в:] Памятники литературы Древней Руси. XII век, Москва 1980, с. 378. Далее страницы из этого издания указываются в круглых скобках непосредственно в тексте.

нием «великий» традиционно наделялись главные князья Руси; эпитет «грозный» употреблялся со смысловым значением «сильный», «могущественный». Однако, наравне с киевским владыкой «великим» автор «Слова» признает Всеволода Владимиро-Суздальского, а о Ярославе Галицком говорит: *Грозы твоя по землям текуть* (380). То есть, в «Слове» как бы «прокрадывается» мысль о равной возможности притязания других князей на киевский стол: во-первых, намёк Всеволоду Большое Гнездо *прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти* (380) и, во-вторых, признание политической силы Ярослава Осмомысла, отворяющего *Киеву врата*. Призыв к галицкому князю воспринимается семантически амбивалентно: Киеву ли открывает ворота Ярослав или всё же Галичу перед Киевом (то есть, автор через обращение Святослава призывает галицкого князя к политическому компромиссу).

Эти «крамольные» предложения, казалось бы, несовместимы с представлениями древнего поэта о «величии» и «грозе» Святослава Киевского. Однако данная иерархическая антинорма в социально-этических ориентирах «Слова о полку Игореве» имеет вполне рациональное объяснение. Как писал Дмитрий Лихачёв, от автора не ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси (...). Он уже видит значение сильной княжеской власти, но ещё стоит на позициях необходимости строгого выполнения феодального права, на которое опирались в своей борьбе не только сюзерены, но и вассалы. Однако в этих феодальных правах автор «Слова» уже подчёркивает подчиняющие линии: права сюзерена, а не вассала. Он уже видит и признает силу Владимиро-Суздальского князя, но ещё предпочитает его видеть на юге – в традиционном центре Руси³ [19].

Итак, в «Слове о полку Игореве» титулом «великий» наделены князь Святослав Киевский и князь Всеволод Большое Гнездо. Первый – следуя традиции употребления дефиниции по отношению к главному из князей, второй – в результате признания автором политической силы князя Владимиро-Суздальского. Всеволод, как известно, сам провозгласил себя «великим», претендуя на старшинство среди всех русских князей. Факт этот не получил в «Слове» осуждения, сколь бы болезненно ни относился автор к ослаблению влияния Киева как цен-

³ Д. С. Лихачев, *Избранные работы: В 3-х томах*, Ленинград 1987, т. 2, с. 19.

тра на политику периферийных областей. Очевидно, усиливающаяся мощь Владимиро-Суздальской земли, её автономная политическая линия, отстранение от государственных проблем южных русских территорий – всё это представлялось автору более нежелательным, чем вмешательство сюзерена в борьбу за киевский стол. Поэтому Всеволоду Большое Гнездо не было поставлено в вину «самозванство». Уравнение его в «величии» с киевским князем как бы давало автору право воспользоваться – пусть даже не импонирующим ему – шансом сохранить единство государства, следовательно, такого рода «самовозвеличение» политической опасности для него не представляло.

Самозванство обернулось трагедией для судьбы России в Смутное время. Понимая это, Пушкин в «Борисе Годунове» моделирует ситуацию «возможности притязания» на царский престол законных и незаконных наследников, в том числе и самозванца:

Воротынский:	...Ведь Шуйский, Воротынский...
	Легко сказать, природные князья.
Шуйский:	Природные, и Рюриковой крови.
Воротынский:	А слушай, князь, ведь мы б имели право
	Наследовать Феодору.
Шуйский:	Да, боле,
	Чем Годунов... (190)

И далее о самозванце:

Кто б ни был он, спасённый ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец... (221)

...Россия и Литва
Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою,
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец... (274–275)

В драматическом повествовании Пушкина все поступки героев, в том числе и их претензии на власть, тщательно мотивированы, психологически объяснены, ситуативно описываются так, как они должны были произойти с точки зрения историографа. Заботясь о правдивом осмыслении истории, писатель придавал большое значение последовательности описания хода событий, причинно-следственным связям

между ними. Почему политика царя Бориса потерпела крах? Почему стало возможным появление самозванца?

Борис Годунов – фигура трагическая. Это один из первых в русской истории просвещённых государей, сумевший *и страхом, и любовью, и славой народ очаровать*. Но его «труды», «слава», «добро» не находили благодарного отклика в умах и сердцах подданных:

...Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его сыскать –
Но отложил пустое попечение:
Живая власть для черни ненавистна... (208)

Моральный крах Бориса Годунова изначально был предопределён «молвой»: в сознании народа царь носил страшное, бесславное клеймо – убийцы. Он осознавал роковую зависимость своей судьбы от устоявшейся «молвы»: *Предчувствую небесный гром и горе* (208). Появление слухов о самозванце положило начало трагическому финалу царствования Годунова:

...опасность не мала,
Весть важная! И если до народа
Она дойдёт, то быть грозе великой (222).

Царь Борис во «мнении народном» перестал быть «грозным», его власть потеряла величие. Метафора в приведённом контексте получает инверсионное переосмысление: *гроза великая* – в данном случае не сила власти, а сила внешним образом покорного ей народа. Исторически обречёнными, впрочем, оказались и деяния самозванца, также осуждённого безмолвным мирским судом.

В аспекте интертекстуального сопоставления представляется любопытным сходство драматических судеб царя Бориса и одного из персонажей «Слова о полку Игореве» – князя Всеслава Полоцкого. На обоих героях лежит роковая печать внутренней раздвоенности. Всеслав, княживший в Киеве в 1068 году, проявлял заботу о своих подданных: *людемь судяше, княземь грады рядяше* (382). Ему приходилось мужественно преодолевать удары судьбы: *аще и вещь душа въ дръзъ тьль* у него была, но *часто бьды страдаше* (384). Именно к Всеславу относится припевка Бояна *Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!*, как будто бы эхом отозвавшаяся через столетия в пушкинских строках: *И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от божьего суда*.

Символично, что писатели столь отдалённых эпох оказались единомышленниками в понимании проблемы «властителей и судий», в оценке власти имущих судом исторической памяти.

В системе образов «Слова о полку Игореве» полоцкий князь Всеслав Брячиславич является, пожалуй, самой одиозной фигурой. Наряду с Олегом Гориславичем, ковавшим мечом “крамолу”, Всеслав, как его характеризует подавляющее большинство слововедов, – не менее агрессивный зачинщик междоусобных распрей, узурпатор, нелегитимно «захвативший» киевский стол, ловкий, хитрый, двуличный, то есть персонаж по всем статьям отрицательный. «Узурпатором» объявляет Всеслава почти половина слововедов, писавших о нём (среди них – Борис Сапунов, Алексей Югов, Йоганн Клейн, Никина Мещерский, Александр Бурыкин и др.). Самая негативная оценка «антигероя» содержится в статье Й. Клейна: полоцкий князь, по мнению немецкого учёного, представлен в роли *Антихриста – отрицательного героя апокалиптической литературы, действующего в последнем апокалиптическом веке и узурпирующего киевский престол благодаря своей хитрости*⁴.

Но можно ли на основании, скажем прямо, не самого «греховного» признака, коим является хитрость, так прямолинейно-отрицательно судить о персонаже? В словарях Измаила Срезневского и Владимира Даля «хитрый» толкуется как искусный, знающий, сведущий, мудрый, разумный, ловкий. Никакой сознательной узурпации власти со стороны Всеслава не было. Он был поставлен на княжение по воле веча и «прославлен» на княжеском дворе. Об этом свидетельствует запись в летописи: *прославиша и средь двора къняжа*⁵.

Разве не правильно поступил Всеслав, рискнув использовать, может быть, единственный шанс освободиться из заточения в «порубе»? Любой разумный человек поступил бы на его месте так же. При этом нужно обладать ещё и недюжинной смелостью, решимостью, даже мужеством, чтобы пойти на столь рискованную авантюру. Всеслав Полоцкий был сыном и патриотом своей земли, князья которой издревле стремились к свободе, к минимальной политической зависимости от Киева. Эту свободу и защищали полочане, приняв жестокий бой на Немиге. Как нам представляется, «бежал» Всеслав так скоро из

⁴ Й. Клейн, “Слово о полку Игореве” и апокалиптическая литература, [в:] Труды отдела древнерусской литературы, т. XXXI. Ленинград 1976, с. 107–109.

⁵ *Повесть временных лет*, [в:] Памятники литературы Древней Руси. XI – нач. XII века. Москва 1978, с. 184.

Киева потому, что устремлялся к своим «берегам» – разрушенным, разорённым, сожжённым, усеянным *костьми рускихъ сыновъ*. В чрезмерной амбициозности и властолюбии, страстной жажде *дотянуться* хотя бы *стружемъ злата стола Киевскаго* упрекать его нет оснований; тем более он не заслужил «бесчестной» приставки к своему имени – узурпатор. Нет оснований осуждать Всеслава и за то, что он исправно исполнял свои княжеские обязанности: *людемъ судяше, княземъ грады рдяше*. Он действовал так на правах князя. Ведь Ярослав Галицкий точно так же суды «рядил» до Дуная.

Брошенный князем судьбоносный жребий представляется, с одной стороны, фатальным выбором пути, но с другой, – поступком, который в архаических воззрениях судим высшей силой. Отсюда – двоякое отношение поэта к полоцкому князю: являясь одним из активных участников кровопролитных междоусобиц, Всеслав осуждается, но, будучи легендарно-эпическим героем, он находит сочувствие и оправдание своим поступкам. Судьба Чародея, его жизненный путь со взлётами и падениями дали возможность поэту поразмышлять об исторической судьбе Родины, о сильных мира сего, власть которых позволяла распоряжаться *жизнью Дажьбожа внука*. Поэт призывал князей к Разуму и предупреждал об ответственности их предназначения в той общей – представляющейся в идеале упорядоченной – патриархальной системе, ссылаясь на «дѣдние» – архаические – представления о судьбе-необходимости, судьбе – высшей справедливости, где всему – свой суд, – судьба, суд богов – не столько над душой после смерти, сколько суд истории, исторической памяти, которой не минути «ни хитру, ни горазду».

Двояко отношение поэта и к заглавному герою. Непосредственно субъективное авторское обличение Игоря в «Слове» отсутствует. Оно ощутимо только в глубинном «дне» подтекста в виде скрытого, «безмолвного» осуждения сепаратизма «младших» князей. Открыто резко-негативная оценка Игорева «бесчестного» похода прозвучала только в «золотом слове» Святослава. Автор, не нарушая этических норм, искусно применил риторический приём – так называемый «фактор престижа». Как бы самоустраняясь и передавая полномочия авторитетной личности, он беспристрастно высказал своё мнение о чрезмерной амбициозности и политической недалёковидности «сыновцев». Текст обращения к князьям некоторые исследователи поспешили приписать напрямую создателю «Слова», объявив его авторским монологом. В данном случае, как нам представляется, поэт воспользовался риторическим приёмом корректного самоустранения, вкладывая свои мысли в уста авторитетной личности.

В «Слове о полку Игореве» моральные ценности соотнесены с общеисторическими. Древнерусский поэт описывал поход Игоря, опираясь на вызванный им общественный резонанс – на «мнение народное». Сторонник политики государственного единодержавия, он стремился выразить сущность социально-политического и нравственно-этического компромисса, резюмируя идею своего произведения ярким художественным иносказанием: *Тяжко ти, головы, кромь плечю, зло ти, тьму, кромь головы*. В настойчивых апелляциях к мнению «братии» средневековой поэт во многом предвосхитил пушкинские раздумья о единоличном праве на власть, об ответственности властителя и «народном мнении» как грозном суде истории.

S U M M A R Y

The old Russian poet described Igor's campaign, leaning on the public resonance caused by it – on “opinion national”. The supporter of policy single state power, it aspired to express essence of the sociopolitical and moral-ethical compromise. In persevering appeals to opinion of “brotherhood” the medieval poet in many respects has anticipated Pushkin's meditations over the individual right to authority, about the responsibility of the master and “people's opinion” as terrible court of history.